

Как бы мы ни ценили „Слово о погибели“ с точки зрения литературной, нет необходимости во что бы то ни стало подтягивать его к „Слову о полку Игореве“».⁶⁶

Тут некоторое недоразумение. Я вовсе не так уж «убежден в том, что автор „Слова о погибели“ был знаком со „Словом о полку Игореве“, как это кажется Н. К. Гудзюю. Моей задачей не было «подтягивать» одно «Слово» к другому. В моей французской статье я настаивал лишь на тематическом и стилистическом сходстве между обоими, на том, что оба «Слова» — «несомненно, продукт одной и той же поэтической школы». Я хотел указать, что такая поэтическая школа существовала и могла давать светские произведения различной окраски; в моей французской статье сказано: «Эта картина северной природы (в «Слове о погибели») сильно отличается по своим краскам от картины степи в „Слове о полку Игореве“, от ее гроз и теплых ветров, идущих от южного моря. Тональности обоих „Слов“ различны, но основная тема произведений та же: это та же любимая „Русская земля“, ее христианский народ, долгом которого является беспрестанная борьба против языческих племен».

Моя полемика против М. В. Горлина отчасти объясняется тем, что, следуя за своим учителем Андре Мазоном, этот молодой ученый⁶⁷ считал, что «Слово о полку Игореве» — подделка XVIII в.⁶⁸ Так как наличность «Слова о погибели» могла мешать этой гипотезе, то М. В. Горлин постарался доказать, что это лишь вступление к утраченному житию, т. е. вовсе не поэтическое произведение, и что никакой поэтической традиции в древней Руси не было.

Мы полагаем, однако, что «Слово о погибели» следует рассматривать как редкий образец светского, лиро-эпического творчества и что оно и по теме, и по стилю перекликается с подлинным и вдохновенным «Словом о полку Игореве».

Конечно, трудно сравнивать оба «Слова» прежде всего потому, что «Слово о погибели» лишь краткий отрывок, всего 230 слов (считая предлоги и союзы). Следовательно, оно составляет лишь одну двенадцатую часть «Слова о полку Игореве», насчитывающего 2775 слов.

И все же целый ряд сходств связывает эти произведения. Мы уже указали на следующие.

1) Оба произведения носят то же заглавие «Слово», указывающее на их ораторский, декламационный стиль. Оба сложных заглавия довольно схожи в звуковом отношении: «Слово о полку Игореве, Игоря Святославича» — «Слово о погибели Руския земли».

2) Оба произведения написаны свободным ритмом, трудно укладываемым в правильные стихи и все же музыкальным.

3) Оба «Слова» отличаются тем же лирическим чувством красот природы, что весьма редко в современной им европейской литературе.

4) Оба «Слова» прежде всего политические произведения. Говоря о князьях и об их подвигах, они в первую очередь думают о родине, о «Русской земле», что звучит как «Русская держава». Возглас «О Руская земля» звучит в обоих «Словах» как их основной мотив.

5) Оба «Слова» проявляют глубокие исторические знания. Воспевая князей своего времени, певец Игоря уходит и в глубь XI в.: он вспоминает

⁶⁶ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Руския земли», стр. 542—544.

⁶⁷ М. В. Горлин стал, как еврей, жертвой фашистов.

⁶⁸ М. В. Горлину принадлежит статья, в которой он пытался доказать, что чтение «О Русская земля, то уже как за Соломоном царем побывало» в «Задонщине» вполне осмыслено, а что «за шеломянем» в «Слове о полку Игореве» есть лишь неудачное подражание (см.: M. Gorlin. Salomon et Ptolémée: la légende de Volot Volotovic. — Revue des Etudes Slaves, t. XVIII, Paris, 1938, стр. 41—62).